

Нелли Саакян
Из книги “ЗВЕЗДА НЕБЕСНАЯ”

ХРАМЫ В АРМЯНСКИХ ГОРАХ

Тельце храма гончарного цвета на нагорье гончарном.
Камень внутренних стен, как и камень нагория, гол.
Потаенно, неброско стоит он в луче осиянном –
безыскусный, простой, обращенный к Вселенной глагол.

Чисты плоскости стен, пестротканность отвергшие сразу,
лишь скупую деталь, словно ясную мысль, предпочтя,
колдовскую пустынность, подобно кристаллу и глазу, –
простодушье избрало крестьянское это дитя.

Гулко здесь, в этих стенах, раздумью и взору просторно,
льется купольный свет в отверстую душу мою.
Как пред капищем я, где огонь обитает проворный,
словно пращур-язычник, в седом восхищеньи стою.

Это синее небо
над кудрявой листвою
и простор молчаливый
перед старой горою.

Это зрелое солнце
октября и полудня,
этот дух погруженья
в пику грому и будням.

Эта ясная доля
и земли и эфира,
эта твердая воля
возмужавшего мира.

Над созданием божьим –
дух венца и предела.
Потаенная сладость
завершенного дела.

Синева и вершина
проплывают в покое.
Только в зрелые годы
и бывает такое.

Я лозу окропляю
родниковой водою.
Только в ясные годы
и бывает такое.

Мир велик и безмерен,
завершен и спокоен.
За терпенье и веру
лишь дается такое.

К октябрю и полудню
путь не прост и не краток:
под зеницею божьей
слезы отпечаток.

Эти чистые дали
перед старой горою.
И счастливый художник
с головою седою.

Бывает час: притихнет сердце,
затеplit мысли огонек.
И никуда уже не деться –
на что ни взглянешь – всё в домёк.

В природе всё тебе подвластно,
слетают думы не спеша,
и просветительно-прекрасна
поэта легкая душа.

Тропа моя, тропа земная
к горам далеким пролегла.
А в небесах звезда немая
меня манила и вела.

И шла я по долине светлой
к высоким снежным берегам
с душою к горнему воздетой,
к безмерным сферам и богам.

Меня вели звезда и доли,
душой владел святой покой.
Вот так и жить. И лучшей школы
не надо, право, никакой.

А травяное мирозданье
меняло чистые тона.
И радость из глубин сознанья
всплывала, ясная, одна.

Я постигала жизнь простую,
земных исполненную снов.
И шла гармония, колдуя,
среди полей и горних льдов.

ПОЭТ

Я видел столько красоты,
я жил в горах, подъятых к небу.
Я видел столько высоты,
высоким мыслям на потребу.

Свергалась жгучая звезда
в мою разомкнутую душу.
И я усвоил навсегда:
честь – созидать, бесчестье – рушить.

Свет гор был ясен и суров,
величье стойко и нетленно,
но каждый раз и свеж и нов
день занимался во Вселенной.

Мы проходили красоту
в высоком поднебесном классе.
И мысль ловила на лету
две вековые ипостаси.

Земной наш миг и вечный свет
в порыве сердце съединяло.
Пришел поэт – ушел поэт,
и красота себя узнала.

Это будет легко. Я уйду в поседелую просинь,
словно в таинство строгого чутко-беззвучного сна.
Как спокойно и чисто прощается с деревом осень,
как последнюю суть всех вещей проясняет она.

Удивителен день, тот, когда ничего не случится,
лишь печаль об ушедшем с утра ваши мысли займет.
Удивителен день, тот, который лишь к зрелым стучится
и которого тщетно и старость и молодость ждет.

На мгновенье замрешь – это чистой слезой отзовется,
и оглянешься ты на рабочее шествие дней,
и невольно и сладко усталое сердце забьется,
и откликнется вдруг обнаженная совесть полей.

Между тем, что прошло, и идущим разверзнется пропасть,
ты поверь в благотворность ее удивительных прав.
И ноябрьский сад осознает свою одинокость,
и заплачет душа, к невозвратным мгновеньям припав.

Я хотела бы тихо состариться с вами
в наготе скромной квартирки,
с небольшим числом книг,
которые можно было бы
привычно снимать с полки
вечером, в ясный, сосредоточенный час.
Я хотела бы говорить с вами о том,
о чем степенные благоразумные люди
не разговаривают.
И чтобы настольная лампа
освещала уют этих вечеров.
Но, тот, кто распоряжается жизнью,
и на этот раз не захотел гармонии.
Вы будете далеко.
И не будет ни полки, ни лампы, ни книг,
ни наших вечерних бесед.
И не будет больше того огня,
которым освещают дорогу.

Спокойно трудись и награды не жди за труды,
пусть медлит признание, на век многошумный не сетуй.
О сколько ее утекло, непрозрачной воды!
Прозрачные ж воды не знают забвенья и Леты.

Спокойно и грустно пиши о житье и бытье,
лишь чистая речь доживет до далеких потомков,
лишь ясный настрой оживает на старом листе,
а голос пусть будет, как голос Орфея, негромким.

Забудь о вельнях спешащего мига и дня:
кто долго безвестен, тот боле других и свободен.
Пусть будет душа, как высокое чудо огня,
а нрав, как у чистых кровей жеребца, благороден.

Поэт, помоги медицине,
она без прозрений слепа.
Тебя же к небесной долине
ведет потайная тропа.

Вглядись не в поникшее тело,
а в скованный, запертый дух.
И что отгадаешь, умело
и сдержанно выскажи вслух.

Уж коли дано постижение,
склонись над насущной бедой.
Отплатят хулой и забвеньем,
а может, и злобой слепой.

Но, даже осыпанный бранью,
ты душу свою сбереги.
Поэт, помоги врачеванью
и муке людской помощи.

Как далека та дальняя пора!
Бесплотна и близка, как в сновиденьи.
Просторный дом, зеленая гора
и юных дней счастливое смятенье.

Душа еще себя не сознаёт,
пространство муки так еще далёко,
еще не вспоминает, а живет
та девочка, что станет одинока.

И свет любви – единственной за жизнь! –
и нестерпимо яркий полдень мая...

Теперь, душа, опомнись и очнись,
ни прежних мест, ни чувств не узнавая...

МОЛИТВА

Если выйду я ночью,
дай мне путника встречного в поле.
Если буду в беде я,
подари мне свиданье с любимой.
Если власть над другими пошлешь мне,
помоги человечным остаться.

...И полная луна,
подруга погребений.
И поздняя вина
отравленных прозрений.

Лиёт с высот Господь
томление ночное.
И мне не побороть
громаду непокоя.

Что знаем мы о нем,
о вечном непокое?
Светило за окном.
Огромное. Живое.

Надменно глядя и надмирно,
снега вершин стоят вдали.
Сурово, горестно, обширно
молчанье неба и земли.

Окно разъятое востока,
как синь младенческого ока,
лучась лучами горних сфер,
порыв рождает древних вер.

И в восхищении глубоком,
молясь, стоишь пред этим оком.
И льется в душу чистый свет
на склоне лет, на склоне лет.

Чистота помышленья и око,
как предчувствия с действием рока,
крепко спаяны, связаны тесно,
как прилив со светилом небесным.
Красота и пропорция с ладом,
словно тайна с всеведением – рядом,
как улыбка младенца с надеждой
и как мудрость с худою одеждой.
Ну а мука и взгляд состраданья,
как родник и звезда мирозданья.
И как с капищем огонь неразлучен,
как с грозой бесноватою – тучи,
как зима с снегопадом безгласным, –
светлый лик с помышленьем прекрасным.

И опять привязалась беда,
и опять за спиною колдует.
Ну зачем, ты скажи, и куда
эти ветры недвижимые дуют.

Хоть ропщи, хоть смирись – всё одно,
что назначено, то и случится.
Вельзевул густокудр, как руно,
а у ангелов грустные лица.

За городом на холме –
еще теплые камни древнейшего канала.
Они так стары,
что уже равнодушны к бегу времени.
Когда мне перечисляют великие завоевания
нашего огромного века,
я склоняюсь к этим старым теплым камням.
Я стою в гуще нашего столетия –
с его гениальными открытиями
и грудой смертоносного реквизита
и задаю себе самый тихий из всех вопросов:
почему и теперь,
как и тысячи лет назад,
самое трудное на земле –
это написать хорошую колыбельную песню?

Я умела немного. Но в этом
я не вижу беды никакой.
Родилась я неспешным поэтом
со спокойной и строгой рукой.

Я слагала слова и созвучья,
чутко слушала мысли свои.
Ненадолго туманы и тучи
от меня закрывали огни.

Я любила безгласные травы
и великий язык синевы.
Кто-то дал мне полночное право
и прицельное око совы.

Я писала нечасто, недлинно,
только то, что сама поняла,
словом тихим, привычным, старинным, –
я иные не знала слова.

И на этом загадочном свете
(вот и вся моя благодать)
я умела лишь сердцем отметить
и на ясном наречье сказать.

Снова беды, беды, беды,
гостя старая – любовь.
Поражения, победы
и тоскующая кровь.

Но какой прекрасный возраст:
мне не надо ничего,
пусть меня терзает робость
от дыханья твоего.

Не зову и не колдую,
только б видеть без конца
мне лампадку неземную
драгоценного лица.

В Армении столько же гор,
сколько в Японии моря.
У Армении столько же боли,
сколько в былом у Британии могущества.
В мировом же масштабе страна эта,
придвинутая к космосу, –
не больше чем миниатюра,
но миниатюра, выполненная с блеском.

В ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Повозки простые.
Они лишь на век или на два
(не будем мелочны)
моложе Шумера.
На них мозоли не времени,
а времён.
Они начинали и продолжали историю,
трудились без скрипа и жалоб.
И теперь отдыхают
в тщеславных музеях –
этих современных домах призрения
для престарелых неодошевленных предметов.

СТИХИ ОБ ИСКУССТВЕ

Возьмем мы краску синюю
и зелени немного,
потом прочертим линию,
чтобы легла дорога.

Возьмем мы краску чистую
для воздуха и неба,
еще возьмем лучистую
для солнышка и хлеба.

Глухую для предчувствия,
зловещую для смуты,
немую – для присутствия
того, чьи планы круты.

И красную для зарева,
седую для развалин,
возьмем мы краску старую
для мира, что печален.

Возьмем мы краску грозную
для зевсова громления,
возьмем мы краску позднюю
для слез и сожаления.

Возьмем мы краску черную
для смерти и для рока –
последнюю и горнюю –
и нанесём глубоко.

Омоем кисти честные
и отойдем в сторонку
и рамочку древесную
прибьем гвоздочком тонким.

С душою упоённую
мы Саскию обнимем.
Но полночью бессонною
ножом все краски снимем.

И утром снова синюю
и снова травяную,
и вновь проложим линию,
ломая кисть дрянную.

Искусство вещь суровая,
кончаясь, не кончается,
приходит поросль новая,
и вновь спина сгибается.

Кто хочет легкой участи,
тот не теряет младости.
Кто хочет вечной участи –
кладет на бочку радости.

Умрет, уйдет любимая,
друзья покинут в бедности,
беда несокрушимая
придет в своей победности.

Здесь платят только золотом –
душой, дыханьем, счастьем,
судьба пройдетя молотом –
не ласковым участием.

Лишь запасясь терпением,
услад не зная грешных,
в конце услышишь пение
и луч узришь нездешний.